

О послевоенной школе и шпане в Марьиной Роще

<https://oralhistory.ru/talks/orh-2305>

16 апреля 2019

Собеседник

Плужников Владимир Иванович

Ведущий

Голицына Екатерина Андреевна

Дата записи

Беседа записана 16 апреля 2019 и опубликована 8 января 2022.

Введение

Во второй беседе искусствовед Владимир Плужников продолжает рассказ о военном и послевоенном детстве. Воспоминаний так много, что память постоянно уводит его к новым и новым подробностям, не всегда имеющим непосредственное отношение к событиям биографии. Содержательно беседа сосредоточена вокруг 204-й московской школы, находившейся рядом с Марьиной Рощей. Соседство с тогда совсем не благополучным районом, жестокие выходки шпаны и бандитов накладывали отпечаток на поведение сверстников. Память рассказчика сохранила ценнейшие детали повседневности советского времени.

Владимир Иванович Плужников: ...необычное состояние... наше оживление с хрущевского времени, с 61-го года и до сих пор, по-моему, на 12 апреля, потому что это День космонавтики, Гагарин полетел, я никого не встречал, кто бы еще вспоминал даты. Это я говорю не по радиопередачам и даже не по книжкам говорю. 12 апреля — вообще-то это годовщина Ледового побоища, как бы не заметили. И совсем меня удивляет, потому что люди, намного старше меня должны были помнить, но они тоже этого не помнят, вот такая необычная вещь: на улицах Москвы, в частности в районе Палихи, по-моему, я это помню на Сущевской улице было, которая ведет к метро Новослободская, в частности, к церкви Пимена в Новых Воротниках, висели небольшие, не самые большие красные флаги с черной ленточкой, скромно, не так, как изображали в память Ленина и Сталина — 12 же апреля умер Рузвельт, который в феврале, с 4 февраля, по-моему, проходила Ялтинская конференция, что-то по 11-е, по-моему, а ровно через два месяца он умер. И я помню, на улице меня удивило тоже — висят эти красные, не очень опрятные даже, какие-то мятые, небольшие, вот такого размера флаги и черная косичка.

“По-моему, это единственный раз, когда в честь капиталистического лидера в Советской стране висели траурные флаги.

Вот было 12 апреля. Он умер тоже 12 апреля, но у них-то время запаздывает на несколько часов, поэтому сообщение о своем важном союзнике как раз, когда пришло к нам, у нас уже (*поправляется*) у них уже... в общем... висели эти флаги. Вот это необычно... <нрзб>, конечно.

Во время войны, что тоже не совсемично, как только война началась, то была... многие, если не все, заборы между дворами, вроде так удивительно и легче прятаться и лазутчикам, и шпионам, которые были тоже, несмотря на все нагнетание энкэвэдэшниками психоза... Ну, я живых шпионов не видел, но больше могу сказать... Вот интересный случай с таким шпионом, замаскированным под бабушку с деменцией как раз около американского посольства, оно тогда было в доме Жолтовского на Моховой улице, и около «Националя». Это, если интересно, могу рассказать, но я свидетелем этого не был, конечно.

Екатерина Андреевна Голицына: А что это за история?

В. П.: История была... Ну, полагалось занавешивать окна. Когда мы прибыли в Москву в 41-м году, я еще помню, как светились окна и в них были большие абажуры (у нас не было такого, у нас был абажур из тоненьких желтых трубочек), большие, крупные, то есть... Это не по рассказам, даже я никогда ни с кем не говорил об этом: в окнах дома и сейчас еще скажу то, что вам, как обитательница этого квартала, может быть интересно, необычно... Ну, мира, конечно, в головах взрослых не было, но для меня был сравнительно спокойный город, и даже объявление воздушной тревоги... говорят, что я как-то реагировал шумно и кричал: «Ивога! Ивога!» Это было даже, когда мы в гостях оказались одни. Зато спокойно, то есть сразу было объявлено затемнение, а мы-то его сняли только 9 мая 45-го года.

А вот деталь, которая к архитектуре ничего не прибавляет, но вам, по кругозору вашему и по месту прописки, может быть интересно. Я потом набросаю вам схему этого квартала и, в частности, из южного окна нашей квартиры... Я стеснялся, что мы такие буржуи: у нас отдельная квартира, хотя большинство жило в коммуналках.

“Но вот так вот подумать: двадцать семь метров на четырех человек, то есть это не такая уж широта и свобода, но все-таки мне было стыдно, что я не в коммуналке живу.

Из окошка была видна шишковидная голова Меншиковой башни, она... до резких перемен в нашей идеологии последней четверти века... Назывался переулок Телеграфным, сейчас Архангельский, поскольку Гавриила Архангела, по-моему, церковь. А вот правее шел дом, современник нашему, то есть первой пятилетки, и в этом доме жил Павел Васильев, поэт.

Он, по-моему, жил с 10-го (*поправляется*) он родился, по-моему, в 10-м году, умер в... не умер, расстрелян был в 37-м году. Я думаю, что мстительность, которая проявляется в сильно пострадавшем народе, но и редко, нечасто не проявляющим снисхождения. Евреи его очень возненавидели за какие-то резкие слова в нетрезвом состоянии, и, по-моему, в 10-м году, в 2010-м выпущена была книжка о ранней советской и поздней российской литературе, куда его даже не включили. Я думаю, что это национальная, националистическая месть ему.

Павел Васильев. Источник: tverdyi-znak.livejournal.com

Он жил вот в том доме, 7/9, по Палихе, тоже я на схеме набросаю, как получается. К нему ходили не самого строгого поведения женщины, и он с ними как бы рассчитывался к их отвращению (со смешком) томиками своих стихов. Он поэт крупный, сильный, скромный... иногда скромный в жизни. Например, он уступил свою возлюбленную, дочку Кончаловского, ту, которую до революции изобразили в виде капризной, вот так вот осевшей, во всяком случае, предельно избалованная, капризная девка сидит. А потом тот же Кончаловский в странной позе ее изобразил, в розовом платье, завязывающей, согнувшись, ботинки... Вот. В нее был влюблен и Павел Васильев, но он не сумел ее отстоять перед энергичным, нахрапистым, думаю, Сергеем Владимировичем Михалковым. Просто, когда будете там, то... То есть это зона и этого тоже.

Дом... сейчас, если выходить из наших ворот в Тихвинский переулок, правее будет вот эта колокольня и церковь конца XVII века колокольня, после 1810-х годов, занятая долгое-долгое время, при мне она так и оставалась занятой, мастерскими учебными Станкоинструментального института. А на углу находилась, ее давно нет уже, керосиновая лавка, с специфическим запахом приятным даже довольно. И вот, рядышком с этой... с колокольней и церковью, находился дом... То ли он первый... по-моему, он сероватых тонов, у него очень скромный модерновский декор, очень скромный, даже он не бросается в глаза, по-моему, это первый дом с лифтом в Москве, или первый кооперативный дом, вот он так выделяется, остальные — более заурядные, хотя я в них бывал тоже.

Да, и вот, значит, мы доехали до конца войны. Я говорил, как... По-моему, я рассказывал, как был воспринят мной, прежде всего, день 9 мая. Про события 8 мая я не слышал, наверное, даже и радио не успело сообщить, советское. И потом, что сообщать, что где-то там в Европе — 8-е, а мы именно, из-за сталинской хитрости, замешанной на многом на епархиальном обучении, семинарском... Он, кстати, покинул семинарию не так, как писали у нас в книжках, из-за революционного пыла, а покинул он ее в связи с кражей, совмещенной с цинизмом: то ли он кучку оставил какую-то, в этом я уверен.

Потом, уже в 70-е (поправляется) в 80-е годы, в начале, я ночь провел за большим столом, очень длинным, в Ленинграде, близко от Гостиного двора, дом, в квартире товарища, то есть заместителя, обер-прокурора Святейшего синода, который это дело рассматривал. На столе тогда, в конце XIX века валялась папочка. Он сказал: «Дети гор, выкинуть его к свиньям — и всё», — хотя его должны были осудить за кражу церковного имущества, сопряженную с осквернением.

Я просидел в той квартире до утра, как начали снова ходить поезда метро, и все время отбивались у меня коленки: то ли из колонок, то ли по краям, по флангам, ящикам и тумбочкам торчало много острый выступов. Эти выступы были ящиками для... были потайными ящиками, в которых в начале советской власти хранилось множество «рыжиков», то есть золотых монет, десятирублевых, это большой было ценности, и вот хозяин, фамилия его Чебанов (?), это товарищ прокурора, он поддерживал, подкармливал в раннее советское время церковников официально. Оттуда у меня сведения о сталинском пути, который, конечно, не был таким...

Так вот, я оборвал наш разговор, немножко смахивающий на архитектуру кварталов (?), тем, что ликвидировали заборы. Мне до сих пор это не очень понятно, потому что забор есть или забора нет... Две причины могут объяснять: нужно ли топливо и как пресечь утекание нежелательных людей. Между прочим, я так, свысока скажу: там где вы не были, а я был,

в Бутырской тюрьме, над камерой, которой... ну, если не все наши ровесники видели в фильме «Семнадцать мгновений весны», где Штирлица оставляет подумать Мюллер, гестаповец, она находится точно под кабинетом начальника тюрьмы, начальника подразделения, тогда был, по-моему... имя сейчас не помню, отчество Антонович Подлез, подходящая такая фамилия — «подлезающий». Рядом стоял <нрзб>, из полосы согнутый, под ним чаша, похожая на писсуар по форме, с камушками, воды там не было. Вот это был вход вот как раз к начальнику. У начальника... кабинет у него раза в полтора выше, чем эта комната, по площади примерно такая же. Что меня поразило: на великолепном уровне, полиграфическом, план Москвы, с обозначением заборов, помоек, перегородок, то есть как ловить и где будут помехи, отпечатанный типографским способом, не рукodelная такая.

Ну, потом про 45-й год я вам пересказал, как мог. 9 мая говорил, по-моему, впечатление. Дальше я не буду. Ну, кроме того, что в августе вернули нам телефон, подключили газ. А до этого мы... это влияло, наверное, на облик, особенно во дворах, мы отапливались печками самодельными. И вот мой брат, который в четырнадцать лет внимательно следил и, видимо, записывал, как работает печник, он сложил, как потом говорили, очень профессиональную печку. Вот эти печки стояли в квартирах, и они выходили своими коленчатыми железными трубами обычно через форточки. Это сейчас форточки стали анахронизмом, тогда было... в наших домах почти квадратные были выходы. Когда я видел фотографии цветные на Западе, то это было привычное дело, а у нас настолько редкое, что когда один из моих старших товарищ участвовал в описи дачи в Волынском, дома, где закончилась жизнь Сталина, и он, авторитетный работник музея в Кускове, до этого прошедший Финскую войну, был направлен на составление описи ценностей, которые можно считать полноценными произведениями искусства, и был поражен интерьером сталинской вот этой дачи, ну, наверное, вы ее облик хорошо знаете, это архитектор Мержанов делал, под малорельефный классицизм. Ну, ближе всего — это, можно сказать, отзвуки зрелого классицизма конца XVIII века, и все покрашено в зеленый цвет, такой какой-то цвет грузовиков военных.

Ближняя дача И. В. Сталина. Источник: liveinmsk.ru

И там удивило его действительно крайне скучная обстановка, диван с вылезающей пружиной, неширокий, на котором он спал, шкаф, набитый рецептами медицинскими, рекомендациями врачей. Товарищ Сталин очень боялся, что не всем он нравится, и его попытаются отравить, наверное, и на стенах не какие-нибудь... у меня гораздо богаче стены вот с этими картинками, это были цветные картинки, фотографии из «Огонька». Вот это так было при его жизни.

Первый раз я видел Сталина в фильме хроникальном, 52-й год, по-моему, 1 мая 52-го года, где он гармошечку изображает и не поднимается рука. По-моему, это был один из первых наших хроникальных цветных фильмов, а на Западе-то они давно были. У нас цветные фильмы игровые-то шли...

Е. Г.: Владимир Иванович, давайте все-таки вернемся к вашей жизни немножко.

В. П.: Жизни... Я так немножко еще... я хотел 47-й год пройти...

Е. Г.: Нет. Ну, вы приехали. Какая была Москва, вот ваши впечатления послевоенные после конца войны... Что стало меняться в Москве по окончанию войны?

В. П.: Вот эти белые кресты, косые, они мало бросались в глаза, они были обычные, примерно так же, как еще лет десять назад урны в Москве для мусора. Урны в Москве резко сократились после января 77-го года, когда были обвинены в попытке взорвать метро трое армян, после этого они стали... а так обычное дело, и поэтому вот эти белые кресты, которые нередко изображают в кино неверно, вот даже в фильме по Гроссману «Жизнь и судьба», одна застекленная дверь внутри квартиры какой-то профессорской тоже с этим — это невозможно, это только от ударов внешнего... да и они не спасали особенно.

Особенной какой-то грязи, запустения нет. Обветшалость умеренная, обычная. Обветшалость, скажем, на улице... на Тихвинской улице, которая ведет от Сущевской до Сущевского вала в сторону Миусского кладбища... Они были умеренно потрепанные, и сильно поменяли свое лицо только в 57-м году, весной, когда срочно стали улучшать Москву с приближением Шестого фестиваля молодежи и студентов, он шел, по-моему, с 25 июля по 11 августа.

Е. Г.: Это вы потом расскажите.

В. П.: Да. Вот. И Москва была просто как небогато одетые, но не опустившиеся люди. Когда... ну, это, вообще, уже позже произойдет, это будет 16 — 17 декабря 47-го года — отмена карточек — и очереди будут стоять, во дворах очереди, будут срочно люди прикидывать, кому отдать часть денег, чтобы резко не сократилась их стоимость. Тогда до десяти тысяч — один к одному, больше этого — уже, там, один к двум и так далее. И вот меня удивили наши очереди: это темно-серые, естественно, несвежие, некрасивые цепочки стояли. Почему сдвинулось так, в сторону цветного и чужого? Потому что на Западе в это время, даже в странах, подвергшихся бомбардировкам союзников, и советскому наступлению люди были гораздо цветнее одеты, а у нас вот серо-черный с легким зеленоватым оттенком — вот это был облик москвичей.

Чего я, к сожалению, не видел, но знаю, что это было, особенно в 41-м году, когда было тяжело, ну, и страшно, конечно, не только из-за войны было страшно ходить — ничего не видно, то есть такая темнота, которую сейчас, может быть, и представить себе невозможно.

Е. Г.: Грязь была, наверное?

В. П.: Грязи я не помню.

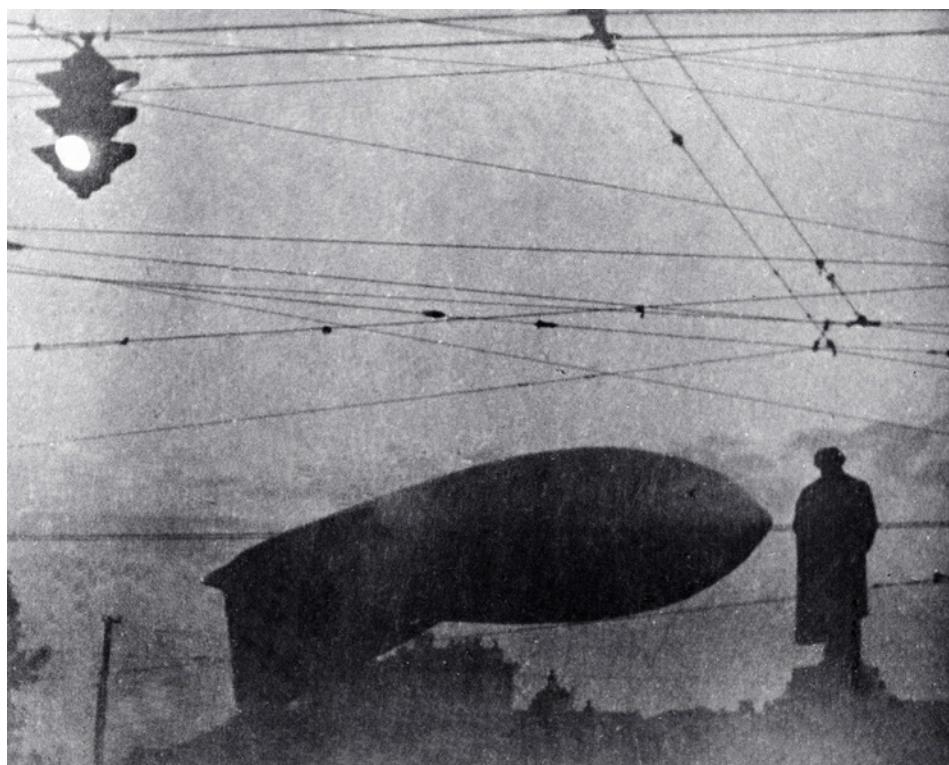
Е. Г.: Асфальта еще мало было.

В. П.: Асфальта было мало, но Тихвинский переулок тот же был замощен булыжниками, и во дворах тоже оставался булыжник. Но интересно, это я говорю не... у меня нет своих воспоминаний, но это было: люди видели, идет навстречу кто-то, потому что на груди, примерно такого размера или светящийся жетончик, или в виде шестилепестковой... Это продавалось, чтобы не столкнуться лоб в лоб.

Е. Г.: То есть такая была тьма?

В. П.: Да, тьма... Ну, полная тьма, полная. В переулке... ну, на улицу я не выходил, конечно, а вот в переулке, даже во дворе, мне кажется, метров десять — уже там не видишь. Я-то помню, когда... страшное впечатление, когда опускаются сверху осветительные бомбы, она не взрывалась, она не наносила разрушений, но панику она сеяла, так же как...

Да. Значит, первая бомбардировка Москвы... это, естественно, я не по своим впечатлениям знаю, это было 22 июля, ровно через месяц после начала войны, и погибло много людей, по-моему, тогда же был разрушен Останкинский театр. А потом... Во дворе у нас долго стояли, всю войну стояли, по-моему... если идти от Палихи внутрь квартала нашего, то стояли огромные... они не огромные, умеренно огромные, сечение их, наверное, вписывалось в стены этой комнаты, похожие на слонов аэростаты воздушного заграждения, с веревками. Один из аэростатов унесло на Можайск, красноармеец пытался его удержать, не смог и долетел, вися на трофе, до Можайска. Ну, это, конечно, я сам не видел, но как они стоят над Москвой — в сумерках-то уже видно.

Аэростаты сокращали охоту у немцев бомбить, потому что ударишься крылом в трос — и самолет погиб, хотя по крайней мере всякие клятвы давали, но они довольно быстро поняли, что надо по-другому отчитываться. Так-то ведь бомба (об этом ведь не писали, но я встречался с людьми, которые и видели, и по отголоскам знаю), что бомба попала и в Кремль, и в ЦК ВКП (б), тогда, и чуть ли не Малenkova забросило за шкаф даже. Но немцы... Вот это мое торжество славянское над германской ограниченностью: логика у них последовательная, но узковатая. Они знали, что Кремль треугольный на плане, значит, треугольник нужно найти, но была в плане двойная река, то есть Москва-река и Обводный канал (это примерно... это первые годы XIX века), а здесь нет канала, потому что его сразу закрыли сетками маскировочными, то есть сверху видят: не сходится. Как компьютер: лишнюю точку добавишь в адрес — и не работает. Они знали, что Кремль треугольный. Один треугольник здесь, а есть второй треугольник, и решили, что Кремль — это же начальство и более крупный треугольник больше соответствует власти, и поэтому они первые бомбы сбрасывали на ипподром, который тоже треугольный.

А потом они стали хитрить. У них, в отличие от нашей страны, была фототехника распределена, об этом даже грустно вспоминать... И немцы, так как у них фототехника, фототрадиция была шире, чем наша, дальше, они должны фотографировать объекты, куда они кидают бомбы. И они стали летать в район Подольска, в район станции «Силикатная», где кто-то нашел (и рассказал товарищам) кирпичный завод. Кирпичный завод — это не ахти какая высоковоенная техника, видно было, что что-то производится, длинные навесы, как на рынках бывает над продукцией, никаких... немножко странно, не было аэростатных заграждений, они летели туда, они сбрасывали бомбы, фотографировали и возвращались невредимые в Москву, то есть они хитрили уже рано, уже с 41-го года.

Я не знаю, когда это было, но я в школьные годы, по крайней мере, лет пять и больше, ходил по участку с Тихвинского через Вадковский переулок, в школу свою, двести четвертую, и стояла долго стена, по крайней мере в три этажа, одинокая стена, рядом с домом, тоже этажа в три, это Тихвинский переулок, сторона, половина, более близкая к церкви, чем к Новослободской улице, и было идти всегда неприятно очень и страшно.

Вот это такой отголосок войны, неприглаженный, торцы кирпича не от кладки, а именно обломанные взрывом, и вот там метра наверное два максимум до соседнего дома. Вот это неофициальный памятник военному времени.

Всю начальную школу, и, по-моему, среднюю школу... уже начиналась. Вот это было.

Так вот из военного времени, 43-й год, я говорил, что мы с братом лазали по танкам, которые стояли во дворе Станкоинструментального института, и все-таки это настолько было теплое ощущение, что мы в своем городе, где есть свои люди, мы в своей квартире — настолько было сильное, что вот этих шрамов военных, кроме, пожалуй, самое сильное — вот эта стена стоявшая на узком проходе по пути, можно сказать, из нашего дома в сторону Станкоинструментального института...

Облик, говорю, сильно изменился в 57-м году, когда старые бараки, двухэтажные, на Тихвинской улице и одноэтажные — по Сущевскому валу стали срочно обшивать новым тесом, не заботясь о том, какая рыхлая основа у этих стен, не говоря уж о том, что они заражены мерулиусом¹ или другими какими-то насекомыми, настолько была, к сожалению, очень свойственная нашей культуре, русско-советской, склонность, что и отмечал и Кюстин, например, склонность такого пускания краской пыли в глаза. Даже наши белокаменные цоколи (ну, это не наш район, это в других частях) окрашивали под мрамор, по белому камню рисовали мрамор — такая страсть приврать, пустить пыль в глаза.

¹ Мерулиевые — семейство грибов, к которому относится, в частности, домовый гриб.

46-й год почему-то выплывает у меня, время было голодное, но в нашей семье никогда не было жалоб, никогда не было скучухи, никогда не было попыток свалить на какую-то другую часть населения, тем более на людей другой национальности, и я вот помню июнь 46-го года в микрорайоне против нашего дома, единственное место детское: рамочка с песком, и в этой рамке, в песке, потому что больше сидеть негде, я с товарищем сижу, и кто-то из нас показывает другому: из перфокарт семидесятипятиколонных продавали очки, туда был вставлен зачерненный негатив, был связан, два отверстия, примерно полтора сантиметра, выемка для носа, потому что было полное затмение в июне.

Изменение облика Москвы

Ну так, немножко, отголосками, знали, что голодновато, засуха и так далее. Естественно, дети никаких обобщений не делали, но... Это я не своими глазами видел, но говорю это уверенно совсем, насчет облика Москвы, как он менялся. Стена Кремля, обращенная... Вот человек приходил, он был моим студентом в Реставрационной академии, архитектор-реставратор, и когда студенты узнавали, что кремлевские стены с их башнями — это, в основном, XVII век, они думали: вот сейчас пойдем там намеряем, увидим, какая кладка. Я говорю: «Не делайте этого. Это полная переделка конца XIX века к 96-му году, к торжественной коронации Николая II, которая совпала с ходынской трагедией. И царь себя плохо проявил тогда, не отменили даже бала в тот день. Несмотря на примерно полторы тысячи погибших.

И вот студенты думают, что вот они пойдут к Кремлю и увидят, как в XVII веке официальное строительство выкладывало. Ничего они увидеть не могли, потому что... У меня даже дома есть картина XIX века, по-моему, Боголюбов автор, где Кремль желтовато-белый, по кирпичу. Немножко говорит о расхождении между обычными жителями и властью, то, на что не обращают внимания никакие гости столицы, да и москвичи мало знают. Ведь в этой крепостной стене, зависимо от ее

не только, вернее не столько боевого, сколько репрезентационного использования, были на трех уровнях нишки боевые — то, что есть на стенах Донского монастыря, Новодевичьего, для подошвенного боя, среднего боя и верхнего боя. Так вот, сразу после войны из снова ставшей советской Латвии привозили кирпич, каждый кирпич, говорили, завернут был в папиросную бумагу, и заделывали все отверстия, чтобы снаружи никто не мог видеть, допустим, сапоги проходящего Сталина, а они как раз напротив английского посольства находятся. Вот куда, в частности, тоже уходили деньги.

В 47-м году, год 46-й по впечатлениям личным маловато дает, 47-й год больше дает, почему-то мы забили на это, вероятно, они раньше появились, на улице, в частности на Пушкинской площади немножко мрачноватые, почему-то с темно-синими тонами, мне запомнилось, новогодние и не новогодние ларьки стояли, где продавали во множестве игрушки — не игрушки, раскладушки с силуэтами кремлевских башен, составленными из пунктирных точек. Эти точки светились. Было очень много выпущено техники с фосфором... белый фосфор, который потом уже признали, что он опасен. И вот, значит, открывает ребенок в темноте — там светят огнями бледно-зелеными Кремль и так далее.

Это сильно бросилось в глаза в 47-м году, потому что это был год, уже в конце года, об этом не ожидали, не думали, что будет денежная реформа и отмена карточек, что важно, но с самого начала было понятно, что это будет юбилей советской власти: 17-й год — 47-й год.

Итак, с некоторым притягиванием за уши (то, что и сейчас продолжается) юбилей Москвы — 1147 год — считается год основания Москвы. Дата совсем неверная. Населенный пункт существовал и раньше, один князь сказал другому: «Давай встретимся в Москве». Это крайний юго-западный был угол Владимира-Сузdalского княжества, то есть он был уже... постарше, чем юбилейный год. А города не было, потому что город начинается, когда у него крепостное... город огорожденный, а это было только 1156 год. Дата прошла совершенно незаметно, и упоминание первое о Москве — март, а отмечали 7 сентября 47-го года.

Был хороший день, по освещенности похожий на сегодняшний, только потеплее было, и на Советской площади, против Моссовета, где сначала снесли памятник Скобелеву, потом снесли обелиск Свободы, приличный был ранний советский памятник, архитектор Осипов, который потом будет делать, в 27-м году, крематорий, сделает, первый московский, из снова вернувшейся к этой функции церкви Нового донского кладбища. Вот я был тогда при закладке этого памятника [Юрию Долгорукому], в толпе был, с отцом мы пошли туда.

Я не помню, каким был Моссовет. Моссовет у нас... вот я два здания выделяю в Москве <нрзб>: это Моссовет и Лубянка. Это здания удвоенные, но не по горизонтали, что легко делается, а по вертикали. Если смотреть на лубянскую госбезопасность, то у нее есть такой псевдолюстральный или псевдоранний барочный верх. Это же облик трехэтажного здания, который был до революции — страховое общество «Россия». Когда люди спрашивали потом: «Где тут Госстрах?», — им отвечали: «Не Госстрах, а Госужас». И вот когда вы тоже будете, посмотрите: поднято кверху — это, ну, такая, можно сказать, русская авантюрная смелость...

И здание Моссовета, это здание резиденции генерал-губернатора московского, оно было и до революции, но в два раза меньше по высоте, и пилястры там стояли в меньшем количестве. Это вот такая московская советская лихость проявилась — удвоение кверху.

Город казался очень праздничным, почему-то преобладали темно-синие тона, красные вспышки на картонажных изделиях. И он кончился уже после торжественности тридцатилетия советской власти, кончился долгожданной отменой карточек. Это было 16 декабря.

Е. Г.: А жизнь как изменилась после войны?

В. П.: Ну, я и военную-то не чувствовал особенно, хотя...

Е. Г.: Но облегчение было?

В. П.: ...хотя когда мы приехали... я помню даже, вот, интерьер, помню вагона, и голос свой даже помню. Ехали в трамвае, средней набитости был трамвай, и я непроизвольно, хотя не считал себя нахальным человеком, крикнул: «Мама, смотри, белый хлеб!» И пассажирка, у нее слезы выступили (плачут), и она отломила кусок, и я... Это была редкость, хотя уже мы в Москве, уже не в чужом месте были. Это был 44-й год, то есть время совсем не бедственное такое уже. Нет, наверное, все-таки 43-й год, потому что потом я все-таки хлеб-то видел, но такая редкость — белый хлеб.

Родители мои никогда не скулили насчет трудностей жизни, поэтому, как я понимаю, очень многое просто было... мы не были втянуты и не воспитывались в нас то, что в более демократических слоях населения, такое накопление обид и ненависти к тем, кто может повлиять. Вот это накапливание обид и, я говорю, неприязнь: не похож — значит враг, вот оно появилось особенно сильно, максимально, конечно, в январе 53-го года, 13-го числа было объявлено о врачах-вредителях, и рядом с нашей школой 204-й помню, как стояла пионервожатая, всегда добрая, отзывчивая крупная женщина, Сима, или Серафима Эдельман, окруженная, как я потом понял, старшеклассниками еврейского происхождения, они, видимо, обсуждали, что теперь будет. Как это будет? Мы сильно сами не ощущали этого, но мой отец, видя, как свихивается наше общество в сторону такого лютого антисемитизма, приглашали в дом сослуживцев этой национальности, чтобы поддержать: не думайте, что от вас отвернулись.

На работе у отца в это время, ну, сколько я ходил, маленьkim еще, стояли объемные модели странных геометрических фигур. Его профилем были были особенно линейные конгруэнции — это когда кривая линия плавно переходит в другую, как застланные постели там, то что важно в авиации, важно в танковом деле. Стояло так называемое цилиндрическое копыто, параболоиды стояли, и большой портрет Ньютона висел — ни Ленина, ни Сталина, ни Молотова, что тоже я видел иногда в помещениях. Ньютон как висел, так он и оставался висеть, хотя тогда шутили, я знаю. Отец принес... Не надо упоминать Эйнштейна, а просто говорить Однокамушкин, потому что Ein Stein — «один камень», Однокамушкин. То есть моя семья не поддалась этому угру, который был безобразен тогда, в те годы.

Учеба в школе

Е. Г.: А в школе что-то было интересное? Скажите, что за школа была, если есть кого вспомнить.

В. П.: Школа была интересной, кое-что... школа сейчас, в этом году, по-моему, в этом году или в 18-м, отметила свое столетие. Она возникла как одна из первых опытных школ... фамилию я сейчас боюсь назвать, не назову, кто ее основал. Потом, по-моему, она носила, это я узнал очень поздно, лет пять назад, носила имя даже Бубнова, хотя мой отец, уже в опасные времена написал ему гневное письмо, в связи с тем, что все школы отдали военным, еще до начала войны, потом Бубнов погиб. По легенде, очень ненадежной, он выстрелил в тех, кто пришел его арестовывать, и застрелился сам, по легенде.

Судьба свела меня, я в одной группе учился с его дочкой. Они пришла к нам на второй курс, а сама отбыла шестнадцать лет тюрьмы, лагеря и поселения. Но и она тоже об этом... у нас были хорошие отношения, но она тоже об этом не говорила. А потом дали имя Горького, думаю, примерно году в 32-м, максимум в 36-м, в связи с его кончиной. И в школе был культ Горького, конечно, Алексея Максимовича, в основном, нажимали на дореволюционные рассказы — не на «Мать», такую шумную, не на очень поздние вещи.

У школы Г-образный план, одно крыло вытянулось по Вадковскому переулку, другое — по Тихвинской улице, школа вначале сидела в здании на углу, где потом одно за другим размещались посольства: было посольство аргентинское, и мы сверху, больше с любопытством, чем с завистью, глядели, как посольские дети катаются на четырехколесном велосипеде, то есть два колеса и для гарантии от падали там на реечке маленькие колесики. Вот школа размещалась там. Рядом со школой архитектор Зеленко, довольно известный делал, здание ужасное, по-моему, при том, что это произведение искусства — это Дом пионеров. А возникало это здание как один из первых детских садов и... Вы его помните, да?

Е. Г.: Да, конечно.

В. П.: И вид у него был очень мрачный, то есть я не знаю кого воспитывать — чоновцев² каких-нибудь, вроде Гайдара, который изымался над дедом. Они сейчас мрачны, ну, а во время войны они были мрачны, хотя не было штукатурной отделки под шубу.

² Чоновцы — от ЧОН, части особого назначения — специальные вооруженные формирования, с 1919 г. создававшиеся при заводских партийных ячейках для оказания помощи органам советской власти по борьбе с контрреволюцией.

Внутри, я помню, с 43-го года, наверняка с 45-го, внутри там были удивлявшие меня витражи, думаю, что они были не советские, потому что в это время, предвоенные и ранние военные, я знаю, делали витражи силуэтные, черно-белые, вот я видел в Твери, например, во Дворце пионеров, где по крайней мере в 90-е годы, оставались еще фризы с черно-белыми силуэтами пионеров, они пальчиками водили по глобусу и так далее. А здесь цветные были, сложные объемы были внутри, мне нравилась игротека там, потом я в библиотеку ходил. Потом как-то пришел с улицы в библиотеку, мне сказали, что у меня руки грязные — я обиделся и больше никогда уже не ходил. А читал я тогда продолжение «Буратино» — «Побежденный Карабас», по-моему, это уже не Алексей Толстой писал... Меня так это возмутило, что таким... отношением. Вот они были связаны с 204-й школой.

Дальше за ними был участок... как бы приусадебный, там очень хорошая женщина... Вообще, преподаватели моего времени и послевоенные сразу, все или почти вызывали уважение и симпатию. Там была, помню, Елизавета Алексеевна... боюсь назвать фамилию, там биологов из нас пытались выращивать, а потом этот участок подвергся жутким вещам, о чем я все-таки хотел бы рассказать, хотя это уже не война. Это мало кто рассказать может.

Значит, 54-й год. 54-й год — это окончание раздельного обучения в больших городах, в школах. В маленьких и в сельских, я не думаю, что это всюду было проведено. Раздельное обучение у нас с 43-го года шло, и с первого сентября 54-го года началось обучение совместное. Наше поколение, поступившее в 45-м году, так и остались однополым. И вот надо было покупать фуражки, немножко странные флотские фуражки, особенно, да и нынешние тоже, военные, имеют большой выход в сторону, курсант специально ездит под Лобню, чтобы там вставить какой-то упругий обруч, чтобы фуражка выгибалась. В наше время не приходило в голову, потому что это похоже на гитлеровцев было. У нас было как у почтарей, чуть <нрзб> сверху, герб с буквой «Ш» посередине, такие же пояса были, то есть мы вступили опять в школу совместную и в школу с формой.

Но страшная, жуткая, скверная, вот в нашем районе с вами и в центре самого Скорбященского монастыря — это возведение (сейчас его даже не <нрзб> среди позднейших сооружений), возведение Детской технической станции. К этому времени на стороне западной, которая выходит на Новослободскую улицу, находилась трехэтажная школа, она и сейчас, здание, есть, 203-я школа. Там были менее хулиганственные, но и менее яркие люди, чем в 204-й школе учащиеся. В конце обучения нашего, это примерно год 53-й — 54-й, обрушилась лестничная клетка, школа прекратила существование. Ее скоро превратили, как она жила в этом качестве, не знаю, в школу кремлевской охраны.

А вот на большом участке, когда-то это была монастырская территория, стали строить Детскую техническую станцию. Многие школьники убегали с занятий... Прямо под окнами, сначала котлован был, потом стали возводить это здание. Я, помню, провалился выше колена в эту бетонную жижу и пришел в школу, как раз тогда, когда была какая-то международная делегация, а было сказано: «Встаньте все в ряд». Я встал, цемент <нрзб>, как слоновые ноги в светло-серой массе. Возмутились, сказали: «Ты нарочно хочешь школу позорить».

А позорило другое. Почему дети убегали с занятий? Потому что баба копра разбивала склепы на территории будущей детской технической станции. Это было и жестокое, и позорное, и небескорыстное занятие для многих, особенно ребят из соседней Марьиной рощи.

“ Когда баба копра разбивала крышку склепа, то дети, небольшие дети, прыгали туда, смотрели вначале, есть ли там шпага или лента какая-то, ордена и отрывали череп.

Е. Г.: Ужас!

В. П.: И череп кидали чуть к югу, где ребята постарше гнали его ногами, как футбольный мяч. Это вот 54-й год.

Е. Г.: Кошмар.

В. П.: Вот. А дальше стояли курящие, как бы настоящие мужчины марыинорощинского посоля, а Роща ожила после амнистии 53-го года, они прикidyвали... они выламывали золотые зубы из черепа, ну, и дальше уже <нрзб> шло. Вот эта сторона жизни этого квартала и, можно сказать, нашей школы, вот то, что особенно злое впечатление производит.

А когда я пошел учиться, 45-й год, 1 сентября, буквально последние два дня Второй мировой войны, то северное крыло... простите, южное крыло, вдоль Вадковского переулка на высоту двух этажей было намертво занято военными, и они туда въехали, как я знаю, почему мой отец писал гневно обвиняя Бубнова в этом, там была войсковая часть какая-то военно-морская.

А выше немножко, наверное, это третий этаж, торец тоже западный, был симпатичный кабинет исторический, и об этом кабинете даже и не знали те, кто уже много лет сейчас содержит и деньги получает за это Музей истории 204-й школы. Там была выставка, называлась: «Сделано в Германии, разбито под Москвой», то есть там были собраны экспонаты... ну, по-моему, там были: корпус мины был, обрывки лент пулеметных, во главе всего этого был Борис Иванович Леонтьев, очень уважаемый школьниками, хотя человек резких нравов весьма, как я узнал совсем недавно, в прошлом эсер. Странно, как он уцелел, тем более в такой идеологической области.

Потому что другую учительницу... Я довоенных журналов «Пионер» почти не видел, до сих пор их не видел, но случайно попавший номер черно-белого издания, содержал стихи о любимой учительнице Зое Ивановне Хмелине. И какое совпадение, я прочел это еще в 44-м году, а где-то году в 51-м — 52-м она появилась в нашей школе, она преподавала у нас математику. Аристократический вид в этом отношении, в отличие от нас, больше так... в лице некоторая заносчивость была. Она, к ужасу моего отца-математика писала икс вот так, не в виде мягких скобок, а вот так *(показывает)*. Отец говорит: «Ну, что же так издеваться над знаками». И вдруг она исчезла, исчезла, и говорили (я думаю, что это было неправдой), что она заболела тифом и ее увезли в одну из наших двух инфекционные больниц. А потом более верный пошел слух, что она была... она была... сейчас... женой или сестрой эсера.

У нас не было таких, вернее, при мне не было массовых таких кампаний, которые я знаю, бывали в других школах. И школы вели себя по-разному, оказывается, что меня удивило. Даже в 70-е годы, когда мой сын учился в школе, я был в двух школах и увидел, какие они разные. В одних школах прославляли какого-нибудь Валю Котика, о котором мы даже не слышали никогда, Машу Ковшову, тоже мы не слышали, у нас был другой набор святых.

Е. Г.: Какой у вас был набор?

В. П.: Набор? Ну, особой группой шли, естественно, молодогвардейцы, а так... ну, начинались они тоже от фигуры горькой, но сомнительной — Зоя Космодемьянская. Особенно я стал сомневаться, когда пришлось столкнуться с ее матерью, это очень мрачное впечатление. Могу рассказать, если это не противоречит нашим целям. Потом... Лиза Чайкина, Шура, или Саша, Чекалин, Юрий Смирнов, которого якобы распяли немцы. Это, наверное, была одна из фантастик, потому что он раньше других перестал упоминаться, Александр Матросов, который будто бы как раз в день, в юбилейный день двадцатипятилетия Красной Армии бросился на дот. Это было, во-первых, не двадцать третье число, это был другой день. Ну вот...

Е. Г.: Все это герои войны были.

В. П.: Ну, святые, которые должны быть, даже в нашем официальном небольшом наборе святых, если глядеть внимательно, не современные издания, а чуть постарше или эмигрантские, вроде федотовской «Жития святых», то, понимаете, эти святые откровенно неприятные. Ну, скажем, святой, который (он тогда не был святым) убил свою жену, возил труп ее с собой (это Архангельская область, поморы), возил с собой труп и... думало, что поэтому во много... у них тоже какие-то... может, у них бывают... червей... они все покинули эту барку, а до этого были. И решили: раз уж они покинули, значит, святой ее ведет. То ли это Артемий Веркольский, но я неуверенно говорю³. Какая-то беспринципность и то, что называл Павел Николаевич Милков, формальное благочестие — это, как было, так оно и, даже с большей силой, остается и сейчас, поэтому... я не знаю.

³ В. Плужников описывает житие [Варлаама Керетского](#).

Зоя Космодемьянская... жертва, конечно... Потом, я не верю, она ли это. Фильм 44-го года, по-моему, пошли мы с мамой в кино, фильм «Таня» назывался, я его почти... потому что мама мне все время закрывала глаза, какие-то жуткие такие сцены были. Я и сейчас не уверен: Таня — это Зоя Космодемьянская или нет. Это не факт. В квартире у матери Космодемьянской большой реальный, музейного типа, ну, как, скажем, картина Васнецова, сильно увеличенная фотография из газеты, где веревка на шее, с обнаженной грудью, в снегу, с закрытыми глазами лежит — ну, как бы ее дочь. Я не верю что это ее дочь. И человек сорок, ну если не [сорок] первого года, там, 43-го года... она была казнена, по-моему, 29 ноября, по-моему, 41-го года, и вот это место паломничества людей, сочувствующих комсомольцам...

“ Как матери жить в квартире, где все время образ оскверненной и замученной дочери, я не понимаю.

А материал, который мне пришлось редактировать, ее (она была докладчицей одной из первых организаций, в которой я работал одиннадцать лет, по охране памятников), там все время была нелогичность, начало фраз не соответствовало концам их, я усомнился в полноценности ума матери, тем более что перед этим тоже пошла молва, не опрокинутая, по-моему, до сих пор, что сама Зоя стояла на учете в диспансере психиатрическом. Жертва — да, но как герой... это герой все-таки странный. И Смирнова перестали довольно рано воспевать, как распятого, какая-то это не немецкая манера была.

Архитектурный, вас интересует, облик Москвы. Конец войны. Вот здание театра Красной Армии, которое многое принесло неприятностей москвичам: после того как немецкие летчики перестали путать Кремль и ипподром, они ориентировались на пятинконечную звезду, тем более это не центр, и там легко понять. Бомбардировщик, бомбардирующий летчик, имеет особую ориентирующую способность в голове, он может как-то взглянуть и... то, что мне, например, не дается. Мы видим: на юге Черное море, а на севере Новая Земля, но вот наоборот смотреть трудно, хотя я видел такие карты.

Е. Г.: Там же маскировка была... специальная.

В. П.: Я про маскировку могу вам рассказать, про это я особенно четко помню, маскировка вот этого театра Красной армии... он же ведь ярусный, у него вверху маленькая башенка, ее не сносили, а колонны, многогранные колонны, были в трех уровнях широкими черными полосами покрашены. Я, конечно, не знаю, как это выглядит с воздуха, но то, что цельных портиков не получалось — это так, они выпадали, то есть колонны дробились на куски, это была не асимметричная камуфляжная краска, это была как бы перечеркнутая в трех уровнях.

Пересказать я могу сравнительно много о другой маскировке Москвы, но это не то, что на меня постоянно производило впечатление. В домик, скорее похожий на какой-то сельский флигель большой усадьбы был переделан мавзолей Ленина, хотя сам его обитатель, по-моему, уехал в Свердловск, находился там в цоколе самого огромного советского театра, где, я думаю, не один человек сел в тюрьму насовсем и тоже...

Маскировка мавзолея В. И. Ленина. Источник: tvcentr.ru

Е. Г.: Владимир Иванович, давайте вернемся. Все-таки у нас не научная лекция...

В. П.: Наверное, я не знаю информации, которая вам нужна.

Е. Г.: О вашей жизни мне хотелось бы услышать... больше.

В. П.: Ну, мысли вьются вокруг 204-й школы моей...

Е. Г.: Ну, пойдемте дальше, если...

В. П.: Школа — тоже это характерно, наверное...

”

Я мельком упоминал, они удивлялись тоже, что до восьмого класса нам запрещалось иметь какие-либо прически, то есть стрижка только наголо. Только с восьмого класса можно было отпустить челочку, никаких кудрей.

Е. Г.: Почему?

В. П.: Сейчас... Если вы не догадались... то это... мне кажется понятным.

Е. Г.: А я хочу, чтоб вы ответили.

В. П.: Когда мы жили в Томске, а я в школу не ходил еще, но знаю, что в школах регулярно, раз в неделю проводились так называемые «вшивые дни» и собирали в пробирочки вшей, которых находили на школьниках. И с кого больше соберут (нельзя сказать, что это премия или подарок), тем давали талончик на какой-то обед в столовой. И чтобы не было этой вшивости, по крайней мере до восьмого класса, я, как все, ходил наголо стриженый. Ну, что-то отрастало летом, но 1 сентября обязательно надо было идти с совершенно лысой головой, поэтому индивидуальность наша в верхнем этаже мало различалась.

Е. Г.: То есть возможности борьбы с насекомыми не было тогда?

В. П.: Ну, по крайней мере в черепной части, по крайней мере. Я этих насекомых никогда не видел, хотя, говорю, край Марьиной рощи помню, очень разные там, включая и уголовную публику...

Е. Г.: А вы соприкасались с Марьиной Рощей?

В. П.: Конечно да.

Е. Г.: Расскажите, что это был за страшный район в те годы. Сейчас трудно представить.

В. П.: Да сейчас трудно представить.

Е. Г.: Как это все выглядело?

В. П.: Главное, особенно неприятное... Между прочим, опять, естественно, лучше говорить, начинать со школы, с нашей. До самого конца, то есть до 55-го года, каждый класс, даже, думаю, что не класс, а коридор, имел право на поход в буфет, а до этого выставлялись из школьников охранники в концах коридора, строили коробочками по четыре или пять человек в ряду, пять и пять — коробочки, и радиоузел на переменах сообщал, кто получил двойки вчера там — такая военизированная система, и назывались по-военному: командир отряда, командир звена. Отряд, или класс, — это примерно тридцать человек, мы были не самые перегруженные, потому что, я знаю, были и по сорок, и по пятьдесят, и третьей смены у нас не было, у нас были две смены, а некоторые и в три смены учились.

Дом в Марьиной Роще, где в детстве жил мультипликатор Ю. Норштейн. 1970-е гг. Фото Ю. Норштейна. Источник: jewishmagazine.ru

Наша смена, вторая, начиналась то ли в два, то ли в два тридцать она была. Очень радовало, когда вдруг свет пропадал, и незаурядные люди, которых было многим больше в той школе, чем в других, тоже разумно этим пользовались. В классе свисают шесть лампочек, в шарах, такие шары еще недавно стояли на эскалаторах первой и второй очереди московского

метро, слегка расширяясь кверху — там шарик. Сейчас все по-другому. И, зная, что будет сегодня, например, контрольная, свои, как правило, почти, думаю, никого не выдавали, ставили на парты сдвинутые высокими частями стул, человек лез, вывинчивал лампочку... но это мало — вывинтить — туда клади сморщенную промокашку, заворачивалась.

Когда начинался вечер, то лампа, благодаря невысохшей влаге, горела, потом переставала гореть, переставало электричество поступать, из шести ламп одна за другой выключались лампы, в темноте вторая смена не может писать, и мы шли радостно домой.

Это не удивляло, потому что иногда отключали... я не знаю, как в масштабе Москвы, но то, что весь участок до Палихи был темный, даже в начале 50-х годов это было...

Е. Г.: То есть не проверяли потом? Не выводили вас на чистую воду?

В. П.: Нет, в классе-то этого нет, в школе были и другие поводы вообще так возмущаться. Я сдавал на аттестат зрелости в 55-м году и помню, что с интересом многие побежали в уборную, не потому что это было так уж необходимо им физиологически, а потому что кто-то ухитрился во время экзамена стащить большой кусок натрия, кинуть в унитаз, и унитаз точно раскололо по вертикали по продольной оси, и эти линии там довольно красивый, по крайней мере, рука... тогда не было слова «дизайнер», но вот это красиво стоял унитаз, точно посередине... Это было интересней гораздо. Или когда всё по часам, я говорю, даже нельзя выйти из коридора, если не твой перерыв...

Открывали в два часа дня на вторую смену, и большой колодец, огражденный лестницей, он и сейчас сохранился, и один раз кинули сверху портфель на директора, случайно зашедшего туда, Иван Гаврилович Жуков его звали, крупный, самый фундаментальный, его звали, естественно, Ванька Жуков, он поражал тем, что он идеально изображал на доске, преподавая математику, изображал окружность, идеально просто, не прибегая ни к каким цилиндрам. Летом можно было наоборот сидеть в этой школе. Один раз шел этот Иван Гаврилович Жуков, а сверху скучал на втором этаже, в классе, студент... мне эта фамилия с детства казалась какой-то ущербно-бедной, сейчас только я начинаю привыкать, что тут другой смысл — Поляничко. «Поляныца» — это, наверное, от паленого, от... как бы... хлебное изделие паленое, а так — это ощущение такое... нищенский, неактивный, неагрессивный, вот этой марынорощенской среды.

И, видя, что идет директор внизу, он, не думая совершенно о безопасности, взял чернильницу и сверху вылил на него.

С одеждой вообще было трудно, не говоря уж о деньгах — просто ее не купишь нигде. Директор побежал вверх, пустые классы, лето, он побежал, посмотрел, из какого окошка вылили, значит, побежал наверх, бежал, естественно, в ярости. Этот Поляничко, дурачок, сказал: «Это не я» — «Что, что, что?! Не я?!» Это дикие картинки...

Е. Г.: Кошмар какой!

В. П.: ...но они были тоже, эти картинки. Это не самое плохое, что было.

Е. Г.: А что же могло быть еще?

В. П.: Я скажу потом, что хуже было. Хуже было, хуже другое было. До сих пор я ненавижу тех, кто щеголяет своим шпанским прошлым, включая нашего президента, который сразу стал щеголять Лиговкой.

Беспрононность, лживость и мстительная агрессивность шпаны в сочетании с неприкосновенностью чекистов — это отвратительный синтез, а и то, и другое работает.

Не хотел говорить, но я все же скажу, что бывало хуже.

А так, например, ребята были неглупые. Например, когда стали приглашать девочек из других школ, вот 28-я (?) была школа нашей симпатии, знакомств, хотя, я был равнодушен к полу к этому тогда. А 208-я <нрзб>, то наши умные мальчики решили сорвать это дело, какие-то очкарики наши, то есть я-то знаю фамилии даже, приготовили состав йодистого калия и перед началом вечера разбрзгали по полу, и когда пошли пары танцевать... пары не из той школы, девушки, то под ногами стало с грохотом взрываться все. Так до этого учили плохих учителей: то есть вот напрыскают — хоп! — и так сильно бабахает. Бывало кидали в чернильницу карбид, специально там... По крайней мере, до 55-го года были запрещены авторучки, в 55-м были по-прежнему запрещены категорически шариковые ручки, только перьевые, и всюду стояли обычные чернильницы. Что иногда, конечно, портило картину: легче испачкать. И вот учительница приходит... Примитивные кнопки на стуле — это не интересно, или там kleem помазать — это примитивно, а вот этой жидкостью йодистый калий...

Я помню, когда я рассказал, уже университет кончил, мне химик сказал: «Не может быть такого вещества, не может быть, они не соединимы». А потом я узнал, что они не только соединимы, а они используются в оборонной промышленности как взрывчатка. <нрзб> И вот <нрзб> вдруг с противным запахом сероводородным выделяется пена. Вот такие маленькие шуточки были.

Году в 54-м, наверное, по-моему, 53-й год... мы оказались первой школой, где прекратили преподавать, оборвали, психологию... нет, наверное, это 53-й — 54-й учебный год, прекратили преподавать уже начатую психологию и, значит,

лишили нас логики, вместо этого ввели трудовое обучение. Оно тоже проходило очень смешно, и жалко было и преподавателя, который плохо русским языком владел, всегда говорит «шишнадцать», он другого не знал звучания, что-то мы делали просто очень противно и плохо. На втором этаже над большой кучей угольной мелочи, которая шла на котельную школьную, поручили разбирать и собирать... амперметры, по-моему. Кончилось дело тем, что сначала самые активные (я не помню, как я себя вел, но я не был активным хулиганом) отломали стрелки у амперметра и выскочили в окно со второго этажа на землю (?)».

Сейчас я вспомнил об этой вот куче кое-что интересное, мне кажется, сейчас скажу вам. Самые противные учителя были, особенно для меня, который заикался, и любое осаживание и нежелание говорить только усиливало это ощущение не просто ущербности, но и просто... забитости жизнью. Из-за этого я совершенно случайно, не желая того, чудом не убил из пистолета моего преподавателя в университете. Когда он спросил, что это такое, почему я так перезаряжаю, я пытался объяснить, что у меня рука повреждена. Он сказал: «Отставить разговорчики». Я продолжал тянуть курок пистолета Марголина так называемого. И вдруг у него лицо побелело, волосы подскочили, и зацокала пуля по стенкам туннеля, это за памятником Ломоносову, против Манежа, вот там мы в подвалах... в Университете учились мы. А тогда...

Е. Г.: Это вы потом расскажете отдельно, про университет.

В. П.: Нет, я уже кончил про университет, я про школу хочу, потому что она немножко говорит о характере вообще людей, атмосферы. Год, наверное, 53-й — 54-й, опять же военное дело, военруки, по-моему, они так мне казались, из сержантов, наверное, говорить они не умели, все время осаживали: «Отставить разговорчики!» и так далее. Если пропадал какой-то элемент из затвора, то никого не отпускали из класса, если были прогрешения, то класс выстраивали по стойке смирно на целый час — дважды я терял сознание от такой стойки, тоже отражение уголовной психологии. Потом я уже с этим встречался много раз в своих поездках, интерес к этой теме у меня не исчезал.

А здесь выстроили ребят спиной к школе, у выхода запасного, где выводили, чтобы не пугать публику: с винтовками выходят дети... Мы за мир ведь... Особенно мы за мир стали шумно орать в 51-м году, когда активно стали... особенно активно участвовали в корейской войне, без удачи без всякой, и... тогда-то и появилось так называемое Стокгольмское воззвание, думаю, что лицемерное во многом. 2 октября (совпало так случайно) — годовщина начала наступления немцев на Москву, был объявлен Днем защитников мира, и по-моему в «Известиях» был рисунок Бориса Ефимова, где молот, у которого в основании двойки, бьет по этим жирным, противным Черчиллям и так далее... В тот же год я видел... Эта тема еще дальше от того, что я рассказываю, но на меня большое впечатление произвела своя встреча и реакция населения с раннефашистскими штурмовиками. Это было в Риге в конце марта 51-го года. Я охотно бы рассказал, но если это мешает, то я не буду... Пока к школе вернемся.

Детей, ребят выводят, выстраивают вдоль стены, с улицы их не видно, движется величаво малорослый военрук, по-моему, сержант, а двое из Марьиной Рощи, они задержались, они не вышли, уже шеренга стоит, военрук, они подходят сзади, накидывают ему на глаза обильно пропитанную чернилами тряпку и завязывают на затылке, и остальные все разбегаются и расходятся.

“

Когда он снимает тряпку, то лицо оказывается как будто карта Индонезии со множеством островов черных. И это сходит с рук.

Е. Г.: Почему?

В. П.: Почему — не знаю, не буду сейчас гадать, но я просто хотел по контрасту сказать. И примерно в это же время, когда зимой не выводили, холодно и оружие там, ржавчина попадет, значит, начиналась весна, по-моему, это в тот же год, 54-й год. Мы тоже были все с винтовками, кто-то стал ковырять винтовкой этой землю, штыком, это длинные мосинские винтовки 91-го — 30-го года... И вот если безобразие с обвязкой военрука во время занятий, это же не о времени где-то там в районе пивнушки, а при исполнении его патриотическо-педагогических обязанностей произошло, ничего за это не было. А вот то, что ребята: «Давай сыграем в ножечки!» — то есть в землю втыкать — а вот это дело вознеслось до Горкома ВЛКСМ. Я до этого не знал, потом я уже встречал, по работе своей, всякие листовки немецкие, где треугольник: винтовка прикладом вверх и три буквы «ш», «в», «з» — «штык в землю», то есть это если кто решил сдаваться и предъявлял этот квадратик, который сбрасывали с самолета, то это значило, что он добровольно выходит из армии, отказывается защищать родину.

И вот и райком ВЛКСМ, Октябрьский тогда был, и горком ВЛКСМ занялись делом о предательстве школьников.

Е. Г.: Господи, дети-то не знали, наверное.

В. П.: Не знали, и я не знал тоже. Что-то острое, земля оттаяла, пока нету команды, просто потыкать — втыкается хорошо в землю эту. Вот просто, я говорю, контраст: явное, циничное безобразие с тряпкой, обмоченной чернилами, чему не придали...

Е. Г.: Может, они боялись просто этих хулиганов.

В. П.: Как хулиганы действовали? Тогда появились кепочки вот с продольным швом, до этого не было, белый шарфик обычно был, естественно, что там своя жизнь, своя иерархия, кто вернулся из лагерей. А освобождали, официально освобождали, несмотря на страхи действительно... Я могу вам рассказать много довольно по этой части, потому что я неравнодушен был к этим темам, о том, как ехали они с востока и как, например, на станции Зима... Томск стоит на отшибе от магистрали, веточка (?) поднимается, от станции Яя, (со смешком) странное название, две буквы всего, и последние Зима и Тайга, там станции, и вот на эти станции шли поезда в 53-м году, поздней весной, ну, может, и летом шли они, и по радио объявляли: «Эшелон номер такой-то с суками». «Прибывает эшелон с ворами». Эшелон с суками — срочно отправиться надо. И вот на этой станции, по-моему, Зима, я могу спутать со станцией Тайга, но, по-моему, Зима была станция, станция, которую

воспета потом была Евтушенко, и тоже я могу сказать, но боюсь, что это не относится к тематике вашей, как видел кусок реализации на берегу Байкала этой поэмы... (усмехается)

Е. Г.: Ну, это потом.

В. П.: ...с грубейшими нарушениями. И не успели отправить поезд, и произошла кровавая большая многоголовая драка с убийствами и так далее. Кто такие суки вы знаете?

Е. Г.: Ну, объясните для тех, кто не знает.

В. П.: Суки — это те, кто входил в клан воров... Воры — это ведь не только преступление, не только совершение... удаление чужой собственности, но это еще и подчеркнутая приверженность к какому-нибудь ордену, классу, они, в частности, не должны (это, правда, второстепенное, но об этом мало знают) не должны иметь официальную жену, там маруху, подругу можно, а жену не надо, они (вот это важное качество) не должны вступать ни в какое сотрудничество с властью. Дальше. Специально набивали камеры... собирали в камеры воров, открывается так называемая кормушка, под волчком, «волчок» — это обычно люди называют «глазок», под ним кормушка, и выставляют... Едет машинка, низкая тележка, очень широкая кастрюля на такой тележке, до сих пор во Владимирском центrale возят суп заключенным на тележке, собственноручно сделанной сыном Сталина, Василием Сталиным. Но это другая тема, опять не буду.

Е. Г.: Да, не уплывайте, а то сейчас мы уже должны прерваться.

В. П.: И воры, я говорю, это на просто сидящий человек по статье, а человек, который как бы вступил в этот орден — никакого сотрудничества с властью, а кто сотрудничает, он называется «сука», он лютый враг. В 51-м году, я в литературе этого не встречал никогда, разыгралась большая, можно сказать, гражданская война на Колыме, война на уничтожение: воры и суки.

Одна категория обкладывала бараки других матрасами и поджигала их, например. По-моему, сукам даже, так рассказывали, выдавалось даже оружие. Шел страшный... вагон шел, я не буду всякие циничные вещи пересказывать, я, в частности... клятву принимали бывшие суки... нет, бывшие воры, наверное, очень циничная страшная эта история. А на Колыме появился заключенный Пивоваров, по-моему, его фамилия. Он стал героям Советского Союза, раз он герой Советского Союза — значит, он признан властью, значит, он сотрудничал с властью, значит те, кто пошел защищать эту власть, они суки.

Да, я сказал... Камера сидит и никто даже не возьмет миску с супом, никто не будет мыть пол, потому что если ты моешь пол, ты работаешь по указанию администрации, ты нарушаешь чистоту своего ордена как бы, вот как это выглядело. И нравы... Ходили... Вот один из примеров: что хуже. Идет какой-нибудь паренек интеллигентного вида, окружает толпа вот этих, естественно, дымящих в лицо кандидатов на следующие тюрьмы, обычно это лет... ну, больше десяти и так... до семнадцати они, курят в лицо, белые шарфы, начинает какой-нибудь разговор... Заводит резко руку, человек думает, что его хотят убить, а он поправляет волосы просто, чистый такой прием, внезапно, перед лицом. «Я только волосы поправляю у себя». Начинается свинский разговор: «Дай закурить» и так далее. «А я не курю»... В это время сзади, за ногами вот этой жертвы на корточки садится маленький из них, а говорящий наступает, тот делает шаг назад, задевает, естественно, он не видит, как сзади села эта маленькая шпана, тот визжит. «Ах, ты маленьких обижашь?» И он начинает групповое избиение его. Я помню, что это было уже после объединения с девочками, хотя и не в их присутствии. Вот это есть форма. Избиение до полусмерти тоже было, считалось, что никто не должен окончить эту школу и выйти, ни разу не избитый коллективно. Вот, например, что было.

Или совсем жуткая вещь. В классе нашем был сын чекиста, который на выпускной праздник сознательно раздавил тяжелыми дверями котенка на глазах у других, например. Вот какие проявления. Это, конечно, не так литературно, как тряпку с чернилами надеть.

Е. Г.: И это все из Марьиной Роши контингент был, да?

В. П.: Ну, она в упор подходила, и марьинорощенские учились там, и вот зоны Миниенского рынка. Тут я много могу рассказать, но это просто расходится... Меня один из моих... долгое время был прекрасным моим собеседником и абсолютно надежным человеком, человек с легкой цыганской примесью Михаил Григорьевич Демидов, родившийся 3 апреля 30-го года, человек, которого начиналась судьба, страшная, думаю, страшная, и в то же время он достойно все-таки заканчивал жизнь свою. Потому что мать его — мать-одиночка, была бригадиром штукатуров, она поручала сыну по карточкам купить, взять хлеб на всю бригаду...

Вот я по себе помню: когда входишь в магазин... я, правда, не один ходил, я помоложе был и ходил с мамой, выходил... Уже когда света нету ни такого, ни послабее, коптилочка, иногда она сделана из основания патрона, гильзы, вот, и режет большим ножом хлеб, тоже могу об этом рассказать об этих нормах сто двадцать пять... двести обычно грамм, сечение буханки. И когда режут, крошки собирают, то невольно слюна набегает: съесть бы эти крошки. В Ленинграде, я знаю (в Москве не знаю просто случаев) отнимали, милиция даже отнимала во дворах, мальчик несет полученный хлеб в свою умирающую... а у него отнимают. Конечно, не идеально совсем было. Так, сейчас, почему я стал что-то... сбылся я что-то. Нет, я для вас плохой собеседник.

Е. Г.: Нет, вы просто отвлекаетесь все время, у нас времени немножко не хватает на историю вашей жизни.

В. П.: И вот это состояние завороженности, небольшой кусочек прилавка освещенного, режут хлеб и смотришь и слатываешь слону. И вот этот паренек, который пришел, увидел, что все карточки пропали, на бригаду, то есть тут и пролетариат вообще работает, а как дожить-то до конца месяца. Я знаю, говорили мне, что в Ленинграде за право (это с чужих слов) сбросить труп близкого человека в яму, чтобы потом она попала в сожжение на Путиловском заводе, люди отдавали карточку на месяц. А жить-то на что? Это вот сейчас: вышел и купил, а там этого не было ничего. Значит, мальчик вышел, его убьет бригада сама пролетариев этих. Стоит и рыдает мальчик. Это как раз район нашей школы, Марьина Роща, помню хорошо. Зимней уже, естественно не было никакой светомаскировки, забор, бревенчатые стены, одноэтажное здание, в стороне будочка, мне она нравилась меньше, чем Союзпечать, и в ней потом, кажется, мне купили, примитивное

деревянное... ружье с деревянным прикладом. Потом мой товарищ сядет за то, что... и продлится больше, чем на пятнадцать лет, его сидение, за вынесенную коробку примитивного солдатского печенья, вот такой площади, вот такой высоты, с такой же <нрзб>.

Мальчик рыдает, иди он... его и мать прибьет, и ее друзья-рабочие прибьют тоже. Вдруг <нрзб>: «Ты чего плачешь, парень?» Тот рыдая объясняет. «Подожди». Куда-то исчезает и приносит карточки. Ну, это и сейчас смотрится как невероятное чудо. Потом мальчик идет в школу, встречается тот же: «Привет, мужик, куда идешь?» — «В школу». — «Что ты, в школу! Страна воюет, а ты там „не“ и „ни“ как пишется, не стыдно тебе?» Он, наверное, тогда ишел-то в 204-ю школу. «Пойдем, обогреешься». Входят в комнату, в комнате люди играют в карты, тоже это не солдаты играют, уговаривают, сажают поиграть, мальчик выигрывает, ему даже (?) деньги дают с собой, дают не алкоголь, а что-то, но все-таки больше, чем по карточкам дают, а потом его приглашают постоять, и если кто появится, запеть или свистнуть, стоять на стреме. Вот так он был втянут...

Е. Г.: Ужас.

В. П.: Вот, это, я говорю, рисунок, характерный для Марьиной Рощи, для района, который... я сейчас быстро говорю, по-моему, дом четырнадцать дробь шестьдесят два, я могу ошибиться, угловой, по дороге к Марьинскому... Марьинский или Минаевский универмаг, двухэтажный, и кинотеатру «Мир», там был. «Мируха» его звали.

Ну, мы уходили тоже, одуренные нашей примитивной пропагандой, учебниками, я сейчас читаю — удивляюсь — слепыми были... Уходили с уроков, чтобы раскулачиванием заняться. Шли на Минаевский рынок, вот эти кепки со швом, белый... в центре Москвы никогда не встречал, это действительно марьинорощенская эстетика не самой низкой шпаны. Это не так называемые сячки, это высокий уровень урки, а низкие... я сейчас категорию не назову...

Е. Г.: Не надо.

В. П.: Значит, подходят, семечками торгуют, и берут на пробу семечки, горстями, и продающий, плачет, что ничего не остается... Класс, школьный класс, человек двадцать пришли, и все «на пробу» сожрали. Раньше так казалось, что это, вот... социальная, социалистическая справедливость.

Е. Г.: Они боялись вас просто.

В. П.: Конечно. Когда идет орда, тем более... укого-то и ножи были даже. У меня никакой симпатии к этой среде нету, и когда наш нынешний президент начинал с обещания мочить в сортире и хвалился своим прошлым, он был, во-первых, нечестен, потому что шпана, сотрудничающая с властью силами безнаказанной власти — это не классика, это неполноценная шпана.

Е. Г.: Ну, это и продолжается.